

Презумпции и фикции как особые правовые феномены

О.Е. Зацепина

Алтайский государственный университет

Пр. Социалистический, 68, 656049, г. Барнаул, E-mail: zatsepina.olesya@yandex.ru

В статье рассматриваются сущность правовых презумпций и правовых фикций, их основные признаки, общие и отличительные черты. Исследуя сущность правовой презумпции, автор приходит к выводу, что не следует смешивать и противопоставлять друг другу логико-философский, юридический и социально-политический подходы к ее сущности, нужно рассматривать презумпцию в трехаспектном ракурсе. Такой подход раскрывает всю цепочку существования презумпций в праве: возникновение – действие – результат. Логико-философский подход обозначает формирование презумпции на основе предшествующего опыта, юридический – реализацию при наличии факта-основания, социально-политический – установление в целях защиты различных интересов. С помощью метода экстраполяции установлено, что сущность правовой фикции также проявляется в указанных трех аспектах, поскольку фикция тоже образуется с учетом закономерностей общественного развития, реализуется при наличии определенных фактов, установленных в законе, и устанавливается с целью охраны различных интересов. Презумпции и фикции играют в праве очень важную роль, восполняя собой недостаток фактической информации и оптимизируя правовое регулирование. Они отличаются друг друга, главным образом по критерию вероятности (презумпция вероятна, фикция – заведомо ложна) и отражения действительности (фикция определенным образом деформирует действительность, презумпция – нет), что позволяет не отождествлять их друг с другом.

Ключевые слова: правовая презумпция, правовая фикция, охрана интересов, экстраполяция.

Presumptions and Fictions as Special Legal Phenomena

O.E. Zatsepina

Altai State University

68 Socialistichesky st., 656049, Barnaul, E-mail: zatsepina.olesya@yandex.ru

The article considers the essence of legal presumptions and legal fictions, their main features, common and distinctive features. Exploring the essence of the legal presumption the author comes to the conclusion that the logical-philosophical, legal and socio-political approaches to its essence should not be mixed and contrasted with each other, it is necessary to consider the presumption in a trilateral approach. This approach reveals the entire chain of existence of presumptions in law: the emergence – action – result. The logical-philosophical approach means the formation of a presumption based on previous experience, the legal one – implementation in the presence of a fact-foundation, the socio-political one – the establishment in order to protect various interests. Using the extrapolation method, it has been established that the essence of legal fiction is also manifested in these three aspects, since fiction is also formed considering a patterns of social development, is implemented in the presence of certain facts established in the law, and is established in order to protect various interests. Presumptions and fictions play a very important role in law, making up for the lack of factual information and optimizing legal regulation. They differ from each other, mainly by the criterion of probability (the presumption is probable, the fiction is wittingly false) and the reflection of reality (the fiction deforms the reality in a certain way, the presumption does not), which makes it possible not to identify them with each other.

Key words: legal presumption, legal fiction, protection of interests, extrapolation.

Правовая презумпция и правовая фикция – явления сложные и многогранные, поэтому в литературе сложились различные подходы к их сущностям.

Сущность правовой презумпции часто рассматривают, исходя из трех подходов (сторон, аспектов), которые иногда смешивают или противопоставляют друг другу.

1. Логико-философский аспект (правовая презумпция – предположение, в основе которого лежит накопленный опыт [Бабаев 1974: 13]; ввиду существования всеобщей причинно-следственной связи явлений, сходных фактов и наличии закономерностей их взаимодействия [Никиташина 2004: 13] в аналогичных ситуациях определенные отношения развиваются одинаково [Каминская 1948: 3]).

В этом значении презумпция используется в различных науках: психиатрии, биологии, философии, языкознании и других, являясь результатом проведения специальных исследований [Булаевский 2013: 9].

Презумпции возникают и в быту (например, опираясь на знания о поведенческих реакциях человека, можно сделать вероятное предположение о том, как он поступит в определенной ситуации, исходя из имеющегося опыта коммуникации с ним при подобных обстоятельствах).

К некоторым презумпциям, разработанным наукой или сформированным на основе здравого смысла, правоприменитель прибегает для собственной аргументации принимаемого решения, а законодатель – фиксации правовой нормы. Такие презумпции не несут правовых последствий и именуется фактическими [Федотов 2001: 48].

Таким образом, презумпция как вероятное предположение, подкрепленное предшествующим опытом, является универсальной категорией.

Именно с позиции логико-философского аспекта объясняется происхождение правовых презумпций, обладающих высокой степенью вероятности.

2. Юридический аспект (презумпция – это способ доказывания, позволяющий при определенных обстоятельствах заключить, что какие-то факты, не подлежащие доказыванию, существуют или не существуют – Я.Б. Левенталь [Левенталь 1948: 56], В.А. Ойгензихт [Ойгензихт 1975: 26], В.П. Воложанин [Воложанин 1953: 5]).

Этот аспект раскрывает процессуальное значение правовых презумпций, а также их особый механизм реализации, проявляющийся в том, что для начала действия каждой правовой презумпции необходимо представить определенные факты-основания, закрепленные законом, при установлении которых презюмируемые факты принимаются без доказательств.

Несомненно, в таком понимании презумпция может использоваться только в праве, поэтому указанные ученые относят ее к исключительно правовым явлениям.

3. Социально-политический аспект.

Этот аспект характеризует цели, для достижения которых установлены презумпции и их роль в механизме правового регулирования, поэтому его признание позволяет относить к презумпциям правовые предположения, имеющие малую степень вероятности, но обладающие огромной социальной ценностью и отражающие политику государства.

Например, в соответствии с презумпцией невиновности обвиняемый считается невиновным, пока не установлено иное (ч. 1 ст. 49 Конституции РФ [Конституция РФ 1993]), хотя на практике небольшой процент обвиняемых оказываются невиновными.

О социальном (либо политическом) аспекте правовых презумпций, который наиболее выражен именно у тех из них, которые обладают малой степенью вероятности, говорят многие ученые.

Так, М.Л. Давыдова пишет о большой социальной значимости презумпции невиновности и о том, что именно предшествующий опыт, которому она противоречит, показал, что нельзя отвергать даже малую степень вероятности [Давыдова 2010: 160]. О.А. Кузнецова утверждает о закреплении законодателем маловероятных презумпций с целью повышения целесообразности правового регулирования [Кузнецова 2002: 110].

Однако и высоковероятные презумпции имеют очень важное социально-политическое значение.

Особую роль правовых презумпций (вне зависимости от степени их вероятности) в охране и защите различных интересов подчеркивает Б.А. Булаевский [Булаевский 2011: 37], данную позицию также разделяет Е.Ю. Марохин, говоря о том, что каждая презумпция целенаправленна, [Марохин 2004: 73].

Считаем, что целевая составляющая правовых презумпций, заключающаяся в охране различных интересов (личности, общества и государства), представляет собой их неотъемлемый признак, в связи с чем непременно должна присутствовать в определении рассматриваемого понятия.

Итак, представляется, что сущность правовой презумпции следует рассматривать в едином, трехаспектном ракурсе, позволяющем показать всю ее многогранность, многофункциональность, раскрыть значение ее отдельных видов. Полагаем, что не нужно выбирать наиболее значимый или правильный из исследуемых аспектов, отождествлять или предполагать их несовместимость друг с другом.

Например, Н.Н. Цуканов видит противоречие между юридическим и логико-философским подходами [Цуканов 2001: 503–504], а М.Л. Давыдова предлагает заменить «логическую сторону презумпции» на социальную сторону презумпции» ввиду первичности социального значения над логической структурой [Давыдова 2010: 160], что, на наш взгляд, не дает возможности полностью раскрыть сущность правовой презумпции. Ведь каждый из аспектов является ее неотъемлемой частью как единого целого.

Таким образом, думается, что правовые презумпции имеют логико-правовую и социально-политическую сущность.

Более того, именно трехаспектный подход раскрывает всю цепочку существования презумпций в праве: возникновение – действие – результат.

Так, за первое звено отвечает логико-философский аспект (формирование на основе накопленного опыта, в том числе маловероятной презумпции, противоречащей такому опыту). За второе – юридический аспект (нуждаемость в наличии факта-основания для начала действия). За третье – социально-политический аспект (охрана интересов).

Исходя из этого, полагаем, что правовая презумпция имеет следующие признаки: вероятность, нормативность (закрепляется в правовых нормах либо в правовых позициях высших судебных органов, выраженных ими при толковании правовых норм, например, презумпция знания закона [Определение Конституционного Суда РФ 2004]) опровержимость, особый механизм реализации и целевая составляющая, заключающаяся в охране различных интересов (личности, общества и государства).

По нашему мнению, правовая презумпция – это средство юридической техники, с помощью которого в правовых нормах (либо в правовых позициях высших судебных органов, выраженных ими при толковании правовых норм) закрепляется вероятное предположение, которое считается истинным, если доказаны определенные факты, установленные законом (либо соответствующими актами судебного толкования), и пока не доказаны факты, его опровергающие, применяемое в целях охраны различных интересов (личности, общества и государства).

Теперь рассмотрим правовую фикцию.

Правовая фикция имеет такие основные признаки как: нормативность; заведомая ложность; непровержимость; намеренная деформация (коррекция) действительности; особый механизм реализации; цель применения — охрана различных интересов (личности, общества и государства). Нормативность проявляется в том, что фикции закрепляются в правовых нормах либо в общеобязательных правовых позициях высших судебных органов, выраженных ими при толковании правовых норм, например, фикция, содержащаяся в п.10 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [Постановление Пленума Верховного Суда 2002], приравнивающая непосредственное содействие исполнителю в совершении кражи, грабежа или разбоя участниками группы лиц по предварительному сговору к соисполнительству (в действительности непосредственное изъятие осуществляется одним из них). Заведомая ложность означает, что законодатель сознательно конструирует явно ложное положение, о чем известно не только ему, но и лицам, которым оно адресовано. Так как фикция содержит заведомо ложное положение, она, безусловно, фактически опровержима, но, как и в случае с непровержимой презумпцией, ее опровержение не имеет юридического значения в целях охраны определенных интересов. Деформация (коррекция) действительности проявляется по-разному, исходя из нужд правового регулирования в конкретных случаях, и может выражаться в: — приравнивании различных понятий и обстоятельств друг к другу (распространении правового режима) (например, усыновленные дети и их потомство по отношению к усыновителям и их родственникам, как и они по отношению к усыновленным детям, в имущественных и личных неимущественных правах и обязанностях приравниваются к родственникам по происхождению согласно п. 1 ст. 137 СК РФ) – признании реальными несуществующих фактов и отрицании существующих (например, признание родителями усыновленного ребенка его усыновителей и отрицание его родства с биологическими родителями — ч. 1 ст. 136 СК РФ, чч. 1, 2, 6 ст. 137 СК РФ) – признании возникновения обстоятельств раньше или позже того, чем это произошло на самом деле (например, изменение даты рождения усыновленного ребенка – ч. 1 ст. 135 СК РФ [Семейный кодекс РФ 1995]). Следует отметить, что правовая презумпция не корректирует реальность, а только предполагает один из возможных вариантов.

Особый механизм реализации правовой фикции (аналогично правовой презумпции) проявляется в том, что она применяется к конкретному случаю и особым образом деформирует действительность только при наличии определенных обстоятельств, установленных в законе (в правовой норме, содержащей правовую фикцию. Например, согласно ст. 439 ГК РФ [Гражданский кодекс РФ 1994] акцепт признается неполученным, если извещение об его отзыве поступило лицу, направившему оферту, раньше акцепта или одновременно с ним, а фикция, признающая фактически ненадлежащее извещение надлежащим (ст. 118 ГПК РФ), только при условии отсутствия у суда сообщения о перемене адреса лицом, участвующим деле, во время производства по делу). Фикции устанавливаются в целях охраны различных интересов, например, охраны интересов усыновленного ребенка, учета общественной опасности лиц, совершивших преступление (ч. 5 ст. 34 УК РФ [Уголовный кодекс РФ 1996]), обеспечения нормального хода судопроизводства (ст. 118 ГПК РФ [Гражданский процессуальный кодекс РФ 2002]) и др.

Полагаем, что правовая фикция – это средство юридической техники, с помощью которого в правовых нормах (либо в правовых позициях высших судебных органов, выраженных ими при толковании правовых норм) закрепляется заведомо ложное непровержимое положение, применяемое при наличии условий, установленных в законе (либо в соответствующих актах судебного толкования), определенным образом деформирующее (корректирующее) действительность в целях охраны различных интересов (личности, общества и государства).

правовую фикцию, в отличие от правовой презумпции, не рассматривают с позиции логико-философского, юридического и социально-политического подходов, хотя, выделенные нами выше признаки правовой фикции как средства юридической техники и их содержание, позволяют сделать вывод, что в отношении правовой фикции возможна экстраполяция трехаспектного подхода к ее сущности, выделенного при рассмотрении сущности правовой презумпции, так как она (как и правовая презумпция) обладает всеми тремя указанными аспектами.

Фикция образуется с учетом знаний, выработанных практикой общественного развития, и является универсальной категорией, применяемой в качестве средства рационализации каких-либо правил и определенной коррекции действительности с целью преодоления ситуации неопределенности и нормального развития общественных отношений не только в праве, но и в других сферах жизни (логико-философский аспект).

Например, в математике для доказывания теоремы заведомо ложное признают истинным (доказательство от противного), в экономике – ценность денег искусственно приравнивается к ценности товара [Танимов 2016: 15]), фикцию также иногда используют в следующих случаях: при установлении правил оплаты публикации статей – в некоторых журналах стоимость рассчитывается за страницу, при этом менее половины страницы вообще не

учитывается, а более ее половины – считается за полную страницу; при закреплении правил участия во многих акциях, проводимых торговыми сетями, накопления и использования бонусных баллов для получения скидки при покупке определенных товаров; при составлении правил для настольных игр (например, правила подсчета очков, заработанных игроками)) и в быту (например, в целях оптимизации процесса сбора вещей в дорогу (на определенном этапе сбора) их перенесение в какое-то место иногда приравнивают к помещению в сумку; при желании помириться говорят: «Забудь все, что я тогда сказал» (признай существующий факт несуществующим) и т.д.

Следует отметить, что термина «фактические фикции» не существует в литературе и, в отличие от фактических презумпций, фикции, применяемые в иных сферах жизни, не выступают в качестве мотива закрепления правовой нормы или обоснования принятия решения правоприменителем.

Правовая фикция в составе правовой нормы применяется к конкретным правоотношениям только при наличии условий, указанных в правовой норме либо в соответствующем акте толкования, в которых она содержится (юридический аспект).

Правовая фикция является средством выражения государственной политики и устанавливается с целью охраны различных интересов (личности, общества и государства) (социально-политический аспект)

Таким образом, для раскрытия сущности правовой фикции, как и сущности правовой презумпции, необходим трехаспектный подход, охватывающий стадии формирования, реализации правовой фикции и получения результата ее реализации.

Итак, презумпции и фикции играют в праве очень важную роль, восполняя собой недостаток фактической информации по делу, оптимизируя правовое регулирование и охраняя различные интересы, имеют схожий механизм реализации, но отличаются друг от друга, главным образом, по признакам вероятности и отражения действительности, что позволяет разграничивать их между собой.

Литература

Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974.

Булаевский Б.А. Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений: монография. М, 2013.

Булаевский Б.А. Функции правовых презумпций // Журнал российского права. – 2011. – № 3. – С. 33 – 41.

Воложанин В.П. Юридические предположения в советском гражданском праве и процессе: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Свердловск, 1953.

Гражданский кодекс РФ: федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (Часть первая) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994 г. – N 32. – Ст. 3301.

Гражданский процессуальный кодекс РФ: федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

Давыдова М.Л. Правовые презумпции в системе средств юридической техники // Юридическая техника. – 2010. – № 4. – С. 159-170.

Каминская В.И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. М., 1948.

Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

Кузнецова О.А. Презумпции в российском гражданском праве. Пермь, 2002.

Левенталь Я.Б. К вопросу о презумпциях в советском гражданском процессе // Советское государство и право. – 1949. – № 6. – С. 54-64.

Марохин Е.Ю. Юридическая фикция в современном российском законодательстве: Дис... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004.

Никиташина Н.А. Юридические предположения в механизме правового регулирования: правовые презумпции и фикции: Дис. ... канд. юрид. наук. Абакан, 2004.

О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002. № 29 // Российская газета. – 2003. – № 29.

Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Саратовского областного суда о проверке конституционности статьи 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека: определение Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2003 г. N 459-О // Вестник Конституционного Суда. – 2004. – № 3.

Ойгензихт В.А. Понятие гражданско-правовых презумпций // Советское государство и право. – 1975. – № 10. – С. 25-33.

Семейный кодекс РФ: федеральный закон от 29 декабря 1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

Танимов О.В. Теория юридических фикций: монография /отв. ред. д.ю.н., проф. Т.В. Кашанина. М.: Проспект, 2016
Уголовный кодекс РФ: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

Федотов А.В. Понятие и классификация доказательственных презумпций // Журнал российского права. – 2001. – № 4. – С. 45-55.

Цуканов Н.Н. О критериях правовой презумпции // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сборник статей: В 2 т. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2001. Т. 1.

References

- Babaev, V.K. (1974). Presumptions in Soviet law. Gorky (in Russian).
- Bulaevsky, B.A. (2013). Presumptions as a means of legal protection of the interests of participants in civil legal relations: monograph. Moscow (in Russian).
- Bulaevsky, B.A. Functions of legal presumptions. Journal of Russian law. 2011. No. 3. 33 – 41 (in Russian).
- Civil Code of the Russian Federation: Federal Law of November 30, 1994 No. 51-FZ (Part One). Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. N 32. Art. 3301 (in Russian).
- Civil Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of November 14, 2002 No. 138-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 46. Art. 4532 (in Russian).
- Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993. Collection of Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 31. Art. 4398 (in Russian).
- Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of June 13, 1996 No. 64-FZ. Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954 (in Russian).
- Davydova, M.L. Legal presumptions in the system of means of legal technique. Legal technique 2010. No. 4. 159-170 (in Russian).
- Eugenzicht, V.A. The concept of civil law presumptions // Soviet state and law. 1975. No. 10. 25-33 (in Russian).
- Family Code of the Russian Federation: Federal Law of December 29, 1995. No. 223-FZ. Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 1. Art. 16 (in Russian).
- Fedotov, A.V. The concept and classification of evidentiary presumptions. Journal of Russian law. 2001. No. 4. 45-55 (in Russian).
- Kaminskaya, V.I. (1948). The doctrine of legal presumptions in criminal proceedings. Moscow (in Russian).
- Kuznetsova, O.A. (2002). Presumptions in Russian civil law. Perm (in Russian).
- Levental, Ya.B. On the question of presumptions in the Soviet civil process. Soviet state and law. 1949. No. 6. 54-64 (in Russian).
- Marokhin, E.Yu. (2004). Legal fiction in modern russian legislation: Dis... cand. legal sciences. Stavropol (in Russian).
- Nikitashina, N.A. (2004). Legal assumptions in the mechanism of legal regulation: legal presumptions and fictions: Dis. ... cand. legal sciences. Abakan (in Russian).
- On judicial practice in cases of theft, looting and brigandage: ruling of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2002. No. 29. Russian newspaper. 2003. No. 29 (in Russian).
- On the refusal to accept for consideration the request of the Saratov Regional Court to verify the constitutionality of Article 8 of the Law of the Russian Federation "On transplantation of human organs and (or) tissues: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 4, 2003 N 459-O. Bulletin of the Constitutional Court. 2004. No. 3 (in Russian).
- Tanimov, O.V. (2016). Theory of legal fictions: monograph / managing ed. Doctor of Law, Prof. T.V. Kashanina. Moscow.: Prospekt (in Russian).
- Tsukanov, N.N. (2001). On the criteria for legal presumption. Legislative technique of modern Russia: state, problems, improvement: collection of articles: In 2 volumes / ed. V.M. Baranov. N. Novgorod, V. 1. (in Russian).
- Volozhanin, V.P. (1953). Legal Assumptions in Soviet Civil Law and Procedure: Abstract of the thesis. dis... cand. legal sciences. Sverdlovsk (in Russian).

Citation:

Зацепина О.Е. Презумпции и фикции как особые правовые феномены // Юрислингвистика. – 2021. – 22. – С. 48-52.

Zatsepina, O.E. (2021). Presumptions and Fictions as Special Legal Phenomena. Legal Linguistics, 22, 48-52.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License